

Типолитогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВ и К°. Пименов. ул., с. д.
Москва-1914.

ОТ РЕДАКТОРА.

Рабиндранат Тагор – бенгальский поэт, имя которого облетело весь мир, когда в минувшем году его произведения были признаны достойными Нобелевской премии по отделу литературы.

В русских газетах и журналах появились выдержки из его произведений, а частью и более полные переводы, которые уже ознакомили русских читателей с характером его творчества. Но произведения Тагора не относятся к числу тех, которые можно прочесть и отложить в сторону, чтобы больше к ним не возвращаться. Их интерес – это интерес тех вечных переживаний, которые родились и растут вместе с человечеством. Творческая мысль Тагора бросает эти переживания в пространство вне места и времени, сохраняя в то же время интимнейшую связь с реальной жизнью, с физическим ощущением этой жизни. И у него звучит просто и непосредственно обращение к тому читателю, который будет читать его песни через сто лет.

Тагор сам перевел часть своих произведений на английский язык*. Предлагаемая книжка является почти дословным переводом английского издания Gitanjali. Главной задачей перевода была возможная близость к подлиннику, недопущение каких бы то ни было уклонений от текста и в то же время сохранение красоты и образности речи Тагора.

---

* Перевод сделан прозой.

В английском издании этой книжки имеется длинное предисловие к ней, принадлежащее перу W. B. Yeats; оно не представляет интереса, а потому мы приведем из него только маленький отрывок:

„Эти стихи не будут лежать в маленьких, хорошо напечатанных книжечках на столиках дам, которые переворачивают страницы ленивыми руками и вздыхают о бессмысленности жизни, так как ничего не знают о жизни, или в карманах студентов университета, чтобы быть отложенными в сторону, когда начнется работа жизни; но из поколения в поколение путники на больших дорогах и гребцы на реках будут напевать их. Любовники в ожидании друг друга найдут, повторяя их, что эта любовь к Богу и есть та волшебная глубина, окунувшись в которую, их собственная любовь возрождается с новой силой“.

1.

Ты сделал меня бесконечным – такова воля твоя. Ты вечно лишаешь жизни этот хрупкий сосуд и снова наполняешь его жизнью.

Ты перенес эту маленькую тростниковую флейту через холмы и доли и играешь на ней вечно новые мелодии.

Бессмертным прикосновением рук твоих ты наполняешь мое маленькое сердце безграничной радостью и даешь начало неизреченным гимнам.

Твои бесконечные дары осыпают меня, а я только подставляю мои крохотные руки. Века проходят, ты продолжаешь осыпать меня дарами, и все еще есть для них место.

2.

Когда ты повелеваешь мне петь, мне кажется, что сердце мое разрывается от гордости; я осмеливаюсь взглянуть в лицо твое, и слезы наполняют глаза мои.

В нежной гармонии тает все грубое и неблагозвучное жизни моей, и обожание тебя уносит меня на крыльях, как птицу, радостно совершающую полет через море.

Я знаю, тебе угодно мое пение. Я знаю, что только как певец могу предстать перед тобою.

Краем распростертых крыльев песни моей касаюсь я ног твоих, и нет иного пути к тебе.

Опьяненный радостью песни, я забываюсь и другом называю тебя, повелителя моего.

3.

Не знаю я, как поешь ты, учитель! Я слушаю всегда в немом восторге.

Светом музыки ты освещаешь мир. От неба и до неба льет она дыхание жизни. Священный поток ее пробивает каменные преграды и несется вперед.

Сердце мое жаждет счастья петь с тобою, но звука нет, и напрасны попытки найти его. Хочу говорить, но речь не выливается в песню, и я умолкаю, смущенный.

О, учитель! ты поработил мое сердце в бесконечных сетях твоей музыки!

4.

Жизнь жизни моей, всегда буду я заботиться о чистоте тела моего, зная, что живительное прикосновение твое на всех членах моих.

Всегда буду я стараться удалять ложь от мыслей моих, зная, что ты – та правда, что зажгла свет разума в душе моей.

Всегда буду я стараться изгонять зло из сердца моего и сохранять мою любовь в цветку, зная, что ты – в сокровеннейшем алтаре сердца моего.

И всегда буду я стараться являть тебя в делах моих, зная, что сила твоя осеняет все дела мои.

5.

Прошу милости: позволь минуту посидеть с тобой. Отложу работу и кончу ее после.

Вдали от лица твоего сердце мое не знает покоя и нет ему отдыха. Вдали от тебя работа моя – труд без конца в безбрежном море труда.

Пришло лето и глядит в мое окно, и шепчет, и шелестит. Вьются пчелы – певцы при дворе цветущей рощи.

Пришло время сесть спокойно лицом к лицу с тобою и петь гимны жизни в этот тихий час безбрежного досуга.

6.

Сорви этот маленький цветочек и возьми его, не медли! Боюсь, что склонит он головку и упадет в пыль.

Быть может, в твоей гирлянде он не найдет места; но удосто́й его страданием от руки твоей, сорви его. Боюсь, что незаметно склонится день, и пройдет время приношения.

Пусть не ярк его цвет, пусть слаб его запах, но возьми его, чтобы он служил тебе, сорви, пока не поздно.

7.

Моя песня сняла свои украшения. Она не гордится красивой одеждой. Пышный наряд помешает нашему союзу; он встанет между нами, и за его звоном не будет слышно твоего шепота.

Мое тщеславие поэта умирает от стыда перед лицом твоим. Я у ног твоих, о поэт поэтов! Сделай жизнь мою простой и прямой, как тростниковая флейта, и наполни ее твоей музыкой.

8.

Ребенок не находит удовольствия в играх, когда на нем царские одежды и драгоценные ожерелья; каждый шаг его стеснен, ему мешает платье. Чтобы не смять его, не запылить, он сторонится людей, он боится пошевелинуться.

Мать, какая польза в роскоши, если она поработает человека, если она закрывает ему доступ к здоровой пыли земли, если она мешает ему войти в толпу и слиться с общечеловеческой жизнью!

9.

О глупец! ты стараешься нести себя на собственных плечах! О нищий! ты просишь милостыню у собственной двери!

Оставь свою ношу тому, чьи руки могут все снести, и никогда не оглядывайся назад с сожалением.

Твое желание быстро гасит светильник, которого оно касается дыханием. Оно нечестиво – не принимай даров из его нечистых рук. Принимай лишь дары святой любви.

10.

Подножие твое там, где живут беднейшие, униженные и потерянные – там покоятся ноги твои.

Когда я хочу поклониться тебе, не достигает поклон мой той глубины, где среди беднейших, униженных и потерянных покоятся ноги твои.

И никогда не сможет гордость приблизиться туда, где в смиренной одежде ходишь ты среди беднейших, униженных и потерянных.

Сердце мое не знает дороги туда, где находишься ты среди униженных и потерянных.

11.

Брось эти гимны и песни, брось перебирание четок! Кому молишься ты в этом уединенном и темном углу храма при закрытых дверях? Открой глаза свои и смотри: бога твоего нет перед тобою!

Он там, где пахарь возделывает твердую землю и где мостовщик разбивает камни. Он с ними и в солнце и в ливень, и пыль покрывает одежду его. Сними священную мантию и спустись за ним туда, на пыльную землю!

Освобождение? где найти его? Сам господин наш с радостью принял на себя оковы мироздания и навеки связал себя с нами.

Оставь размышления, отложи в сторону твои цветы и благоухания! Какая беда в том, что одежда твоя порвется и испачкается? иди за господином твоим и работай с ним вместе, в поте лица твоего!

12.

Я долго странствовал, и далек был мой путь.

Я начал его на колеснице первого луча света и продолжал путешествие по пустыням миров, оставляя след мой на многих звездах и планетах. Самая дальняя дорога ведет к наибольшей близости к тебе, как самое сложное учение ведет к наибольшей простоте звука.

Путник должен стучаться у многих дверей, прежде чем дойдет до своего жилища. Человек должен бродить по внешним мирам, прежде чем дойдет в конце концов до внутреннего алтаря.

Взор мой охватывал далекие пространства, прежде чем я закрыл глаза и сказал: „Ты здесь!“

Вопрос и крик „где ты?“ сливается в слезы тысячи ручьев и затопляет мир уверением: „Я емь!“

13.

Я пришел, чтобы петь песню, а по сей день она не спета.

Я проводил целые дни в настраивании и перестраивании моего инструмента.

Не верен был ритм, не подходили слова; только мука желанья клокотала в груди.

Не раскрывался цветок, только ветер вздыхал, пробегая мимо.

Я не видел лица его, не слышал голоса; только легкие шаги его были слышны на дороге перед моим домом.

На полу дома моего готовил я целый день для него место; но лампа не зажглась, и я не могу пригласить его в дом мой.

Я живу в надежде встретить его, но нет еще встречи.

14.

Много у меня желаний, и жалобно взываю я к тебе; но суровые отказы твои всегда меня спасают; и эта великая милость твоя проходит через всю мою жизнь.

День за днем готовишь ты меня быть достойным принимать великие и простые дары твои, которые ты дал мне без просьб моих, спасая от чрезмерных желаний: это небо и свет, это тело и жизнь, и разум.

Иногда я томлюсь и медлю, иногда воспряну и спешу достигнуть цели; но ты, жестокий, скрываешься от меня.

Отказывая мне, день за днем ты делаешь меня более достойным всецело воспринять тебя и спасаешь от опасностей моих слабых, неверных стремлений.

15.

Я здесь, чтобы петь тебе гимны. В этом чертоге твоём, в уголке мое место.

В миру твоём нет мне работы. Бесплезная жизнь моя может проявляться лишь в бесцельных звуках.

Когда пробьет час безмолвного поклонения тебе в темном храме полуночи, прикажи мне, учитель, предстать пред тобою и петь тебе. Позови меня,

когда в утреннем воздухе настроена золотая арфа.

16.

Я приглашен на праздник мира – благословенна жизнь моя. Мои глаза видели и уши слышали.

Ты позвал меня на пир твой, чтобы играть на флейте, и я сделал все, что мог.

Теперь спрашиваю тебя, не пришло ли наконец время войти и видеть лицо твое и молча поклониться тебе?

17.

Я жду только любовного призыва, чтобы отдаться в его руки. Вот почему опоздание мое и все мои прегрешения.

Они хотят законами связать меня; но я от них всегда убегаю; я только жду любовного призыва, чтобы отдаться в его руки.

Люди порицают меня и называют нерадивым; они, конечно, правы в порицании своем.

Базарный день окончен; заботливые люди сделали свою работу. Те, что приходили напрасно звать меня, ушли во гнев. Я только жду любовного призыва, чтобы отдаться в его руки.

18.

Тучи набегают на тучи; темнеет. О, мой любимый! зачем заставляешь ты меня одного ждать у входа? Когда кипит дневная работа, я с толпой; но в этот темный, скучный день на тебя одного моя надежда.

Если ты не покажешь мне лица твоего, если ты меня покинешь, не знаю я, как проживу эти долгие, дождливые часы.

Гляжу вдаль, в серый сумрак неба, и сердце мое ноет вместе с неутомимым ветром.

19.

Если ты молчишь, я наполню сердце мое молчанием твоим и буду терпеть. Я буду покорно ждать, как ждет звездная ночь,

низко опустив терпеливую голову.

Я знаю, это утро придет, темнота исчезнет, и голос твой золотыми струями польется с неба.

И тогда слова твои взлетят песнями со всех гнезд моих птиц, и мелодии твои потекут цветами в моих рощах и лесах.

20.

В тот день, когда лотос цвел, увы! я мечтал о чем-то и не знал, что он цветет. Корзина моя пуста, цветок остался незамеченным.

Только временами нападала на меня грусть; я отрывался от мечты, когда южный ветер приносил мне легкий аромат, непонятное благоухание.

Этот неопределенный сладкий запах заставлял сердце мое биться желанием, и казалось мне, что это – горячее дыхание лета, приближающегося к разгару.

Тогда не знал я, что аромат так близок, что он мой, что эта совершенная сладость распустилась в глубине моего собственного сердца.

21.

Пора спустить мою лодку. Томительные часы проходят на берегу; увы, весна отцвела и прошла; а я жду и медлю вместе с ненужными, увядшими цветами!

Волны стали шуметь, а в тенистой аллее на высоком берегу желтые листья кружат и падают.

Какое запустение вокруг! Чувствуешь, как дрожит воздух... это звуки далекой песни, несущейся с того берега.

22.

В глубокой тьме дождливого июля, молчаливый, как ночь, идешь ты неслышными шагами, избегая бодрствующих.

Сегодня утро закрыло глаза свои, и напрасен настойчивый зов громкого восточного ветра. Густой туман покрывает вечную синеву небес.

Замолкли песни в лесах, и закрылись двери в домах. Ты – одинокий путник на этой пустой улице. О, мой единственный друг, мой любимый, двери дома моего открыты – не пройди мимо, как проходит мечта!

23.

Вышел ли ты, мой друг? Идешь ли ты по дороге любви в эту бурную ночь? Небо стонет в отчаянии.

Не могу заснуть. Опять и опять открываю я дверь и гляжу в темноту, друг мой!

Я ничего не вижу. Я не знаю, где идет твоя дорога!

По какому туманному берегу черной реки, по какой дальней опушке хмурого леса, по каким запутанным путям идешь ты в глубоком мраке, чтобы придти ко мне, друг мой?

24.

Когда кончен день, когда замолкли птицы, когда ветер усталый затих, укрой меня вуалью темноты, как землю окутал ты покровом сна, как в сумерки закрыл лепестки нежно склонившегося лотоса.

Освободи путника от чувства стыда и бедности, когда пуст кошель его, а путь еще не кончен, когда платье пыльно и разорвано, а сила иссякла. Возобнови жизнь его, как жизнь цветка под благим покровом ночи.

25.

Дай мне усталому заснуть спокойным сном, доверившись тебе.

Чтобы не был мятежный дух мой не готов для поклонения тебе.

Ты покрываешь ночным сумраком усталые очи дня, чтобы с новою радостью открылись они при пробуждении.

26.

Он приходил, он сидел у изголовья моего, а я не проснулся! Горе мне! Проклятый сон!

Он приходил в тиши ночной; арфа была в руках его, и сны мои звенели ее мелодиями.

Увы! зачем потеряны мои ночи? Зачем не вижу я того, чье дыхание обвеваает мой сон?

27.

Свет, о где же свет? Зажги его жгучим огнем желания!

Вот светильник, но никогда не вспыхивает на нем пламя – такова судьба твоя, сердце! Смерть была бы много лучше для тебя.

Страдание стучит в дверь твою. Оно пришло гонцом, сказать тебе, что бодр господин твой и зовет тебя в сумраке ночи на свидание любви.

Небо в тучах, и дождь без конца. Не знаю, что волнует меня – не пойму смысла волнения моего.

Блеснула молния на мгновение, и еще гуще мрак для глаз моих; в потемках ищет сердце дорогу, на которую зовет меня музыка ночи.

Свет! о где же свет! зажги его жгучим огнем желания! Гром гремит, и ветер в пустыне воет. Ночь черна, как черный камень. Не теряй часы твои во мраке; зажги светильник любви жизнию твоею.

28.

Тягостны оковы мои, но болит мое сердце, когда пытаюсь разорвать их.

Стремлюсь освободиться и стыжусь надежды на свободу.

Я сознаю, что в тебе – бесценное богатство, что ты – мой лучший друг; но у меня не хватает духа вымести мишуру из дома моего.

Покров мой – саван смерти, саван праха; ненавижу его, но ласкаю любовно.

Велики долги мои, неизмеримы прегрешения; тайный стыд тяжел; но когда молюсь о благе моем, трепещу исполнения мольбы моей.

29.

То существо, которое я называю именем моим, рыдает в своей темнице; вокруг него я вечно строю стену, и по мере того, как она высится к небу, – в мрачной тени ее скрывается истинное существо мое.

Я горжусь этой высокой стеной; не оставляю в ней щелей, мажу глиной и песком, и чем больше я стараюсь, тем дальше прячу истинное существо мое.

30.

Один вышел я, чтобы идти на свидание. Но кто же следует за мной в ночной тиши?

Я сторонюсь, чтобы избежать его. Напрасно!

Его спесь поднимает пыль с земли; его громкий голос вторит всем моим словам.

Он – мое маленькое я, мой господин, не знающий стыда. Но я стыжусь войти вместе с ним в дверь твою.

31.

"Узник, скажи, кто сковал тебя цепями?"

"Это сделал господин мой, – сказал узник. – Я думал превзойти весь свет роскошью и властью и собирал в мою собственную сокровищницу деньги моего царя. Когда сон одолел меня, я лег на ложе господина моего и проснулся узником в сокровищнице моей".

"Узник, скажи, кто сковал эту крепкую цепь? "

"Я сам, – сказал узник, – тщательно сковал эту цепь. Я думал: непреодолима власть моя, поработшу весь мир и останусь на полной свободе. Так день и ночь работал я над цепью, ковал ее жестокими ударами на сильном огне. Когда, наконец, работа была кончена и звенья скованы, – я увидел, что она крепко держит меня в тисках своих".

32.

Всеми силами стараются удержать меня те, что любят меня на этом свете. Не такова твоя любовь, хотя и более сильная – ты даешь мне свободу.

Они никогда не оставляют меня одного, боятся, что забуду их. Но день проходит за днем, а ты не являешься.

Если я не призываю тебя в молитвах моих, если не ношу тебя в сердце моем, все же любовь твоя ожидает моей любви.

33.

С наступлением дня пришли они в дом мой и сказали: „Мы займем здесь самое малое место“.

Они сказали: „Мы поможем тебе служить Богу твоему и смиренно примем лишь нашу долю его благодати“; сели в углу и сидели тихие и кроткие.

Но в темноте ночной вижу я, что врываются они в алтарь мой сильные и буйные и с нечестивою жадностью хватают приношения с алтаря Божьего.

34.

Оставь во мне ту лишь частицу, которая сказала бы: ты для меня – все.

Оставь ту лишь частицу воли моей, которая дала бы мне везде чувствовать тебя, и во всем прибегать к тебе, и ежеминутно приносить тебе любовь мою.

Оставь ту лишь частицу, которая никогда не отвергнет тебя.

Оставь мне те лишь оковы, что привязывают меня к воле твоей, чтобы твои предначертания исполнялись в моей жизни – это оковы любви твоей.

35.

Там, где разум не знает страха, где голову держат высоко;
Где знание свободно;
Где мир не разбит на части тесными стенами домашнего очага;

Где слова летят из глубин правды;
Где неустанное стремление простирает руки к совершенству;

Где ясный поток разума не пропадает в скучной песчаной степи мертвых обычаев;

Где ум направлен тобою к широкому полету мысли и дела –
В этом раю свободы дай пробудиться родине моей, о Отец мой!

36.

Такова молитва моя, господин мой: руби, руби корень скудости сердца моего.

Дай мне легко нести радости и горе.

Дай на пользу направлять любовь мою.

Дай никогда не отрекаться от бедных, не гнуть колен перед наглой властью.

Дай мне высоко витать умом над мелочами обыденной жизни.

И дай мне с любовью подчинять силу мою твоей воле.

37.

Я думал, что путь мой кончен; думал, что конец силе моей, что закрыта передо мною дорога; думал, что иссякли припасы и настало время укрыться в молчаливой темноте.

Но я вижу, что воля твоя еще не видит во мне конца моего. И когда старые слова умирают на языке, новые мелодии летят из сердца; когда теряются старые тропинки, новые чудесные страны открываются взорам моим.

38.

Ты, один ты мне нужен – пусть без конца повторяет сердце мое. Желания, которые обуревают меня день и ночь, лживы и пусты до самого корня.

Как ночь таит во тьме мольбу о свете, так из темной глубины моего сердца невольно вырывается крик: ты, один ты мне нужен!

Как буря жаждет конца и мира, но все же бушует и нарушает мир, так возмущаюсь я и встаю против любви твоей, и все же восклицаю: ты, один ты мне нужен!

39.

Когда сердце мое высохло от жажды, – сойди на меня дождем благодати твоей.

Когда иссякла красота жизни, – освежи ее песнью твоей.

Когда шумная работа скрывает от меня заоблачный мир, –

сойди ко мне, царь безмолвия, тишины и спокойствия.

Когда сердце мое трепещет, как нищий в углу, – насильно войди в него, царь мой, войди со всей царской пышностью твоей.

Когда желание ослепляет ум мой пустыми обольщениями, – о ты, святой, вечно бодрствующий, приди с громом и светом твоим.

40.

Давно, давно не падал дождь на жаждущее сердце мое, о Бог мой. Горизонт зловеще чист – ни тонкой дымки, ни легкого облака, которое обещало бы свежий дождь.

Пошли гневную бурю; пусть грозит она мраком и смертью, если на то твоя воля; бичом молнии ударь по небу от края до края.

Но избавь нас, господин мой, от гнета этого безмолвного, жестокого, страшного зноя, отчаяньем жгущего сердце.

Пусть облако милости опустится с высоты твоей, как опускается со слезами взор матери в дни отцовского гнева.

41.

Зачем стоишь ты позади всех, мой любимый, скрываясь в тени? Они толкают тебя и проходят мимо, пыльной дорогой, не замечая тебя. Долгие, скучные часы жду я тебя с приношениями моими. Прохожие берут цветы мои один за другим, и почти пуста уже корзина моя.

Прошло утро, прошел полдень. Сумерки; сном слипаются глаза мои. Мне стыдно людей, которые, идя домой, смотрят на меня и улыбаются. Я сижу, как нищая девушка, и полой закрываю лицо мое. На вопросы: что с тобой? я опускаю глаза и не отвечаю.

Разве могу я ответить им, что жду тебя, что ты обещал прийти. Мне стыдно было бы признаться, что моя бедность – приданое тебе. В глубине сердца моего я с гордостью таю это.

Я сижу на траве, гляжу на небо и мечтаю о том, как пылен будет твой приход – огни горят, золотые стяги развеваются над колесницей твоей, а они все, стоя у дороги, смотрят и дивятся: ты сходишь с колесницы, берешь меня из пыли и с собой сажаешь меня, нищую девушку, дрожащую от гордости и стыда, как лиана от летнего ветерка.

Но время идет, а не слышно звука колесницы твоей. Много великолепных процессий прошло мимо, с шумом и криками. Зачем же ты один стоишь молча, в тени, позади всех? Зачем жду я и плачу, и терзается сердце мое в напрасном ожидании?

42.

Ранней зарей мы тихо шептали: с тобой вдвоем мы сядем в лодку; ни одна душа во всем мире не узнает, что мы вместе плывем неведомо зачем, неведомо куда.

Окрыленные твоей молчаливой улыбкой, польются мои песни в безбрежном океане, полетят мелодии, свободные, как волны, не стесненные словами.

Разве не настало еще время? не кончены работы? Смотри, уже вечер спустился на берег и в умирающем свете вечерней зари морские птицы потянули к своим гнездам.

Кто знает, когда упадут цепи, и наш челнок, подобно последнему лучу заката, скроется в темноте ночной?

43.

Бывали дни, когда я не был готов принять тебя, царь мой. Неведомо для меня ты входил в мое сердце незванный, ничем не выделяясь из толпы, и накладывал печать вечности на многие мимолетные мгновения жизни моей.

Сегодня мне случайно вспомнились они, и я вижу на них руку твою. Я вижу, что разбросаны они в пыли, среди воспоминаний о радостях и горестях прошедшей повседневной жизни.

Ты не отворачивался с презрением от моих детских игр в пыли. Звук шагов, который я слышал в детской, разносится теперь как эхо от звезды к звезде.

44.

Я люблю сидеть в ожидании на краю дороги, в стороне от солнца, где прохлада сменяет летнюю жару.

Гонцы несут мне вести с далекого неба, приветствуют меня и дальше мчатся по дороге. Сладкое дыхание легкого ветерка радует мое сердце.

От зари до сумерек сижу я перед дверью моей и знаю, что внезапно придет счастливый миг, когда я увижу тебя.

А пока улыбаюсь и пою один. И воздух дышит мне ароматом обещания.

45.

Слышал ли ты его тихие шаги? Он идет, идет, всегда идет.

Каждую минуту и каждый век, каждый день и каждую ночь он идет, идет, всегда идет.

Много песен я пел, много настроений в них звучало, но смысл этих звуков был всегда один: он идет, идет, всегда идет.

В благоуханные дни солнечного апреля по лесным тропинкам он идет, идет, всегда идет.

В дождливый мрак июльской ночи на грохочущей колеснице туч он идет, идет, всегда идет.

В горестях моих шаги его ступают мне по сердцу, и золотое прикосновение ног его ярко озаряет мои радости.

46.

Я не знаю, из какой глубины времен идешь ты навстречу ко мне. Ни солнце, ни звезды не могут надолго заслонить тебя от взоров моих.

Часто на утренней или вечерней заре слышались шаги твои, и гонец твой стучался мне в сердце и тихо звал меня.

Не знаю, почему так всколыхнулась сегодня жизнь моя и радостью наполнилось сердце.

И мне кажется, что настало время закончить труд мой; я чувствую в воздухе едва уловимое веяние твоего приближения.

47.

В напрасном ожидании проходит ночь. Боюсь, придет он неожиданно к двери моей утром, когда я засну, усталый. О друзья, не оттолкните, укажите ему путь.

Если звук его шагов не разбудит меня, оставьте, не будите, я прошу. Ни громкий хор птиц, ни пляска ветра на празднике утренних лучей пусть не нарушают сна моего. Даже если господин мой придет внезапно к двери моей, не тревожьте сна моего.

О, сон, драгоценный сон, ты ждешь его прикосновения, чтобы исчезнуть. О закрытые глаза мои, вы ждете светлой улыбки его, чтобы поднять веки, когда предстанет он передо мною, как встают сновидения из сумрака сна.

Пусть первым светом и первым образом встанет он перед глазами моими. Пусть взгляд его заронит первую трепетную радость в пробудившейся душе моей.

И пусть мое возвращение к сознанию будет в то же время возвращением к нему.

48.

Море утренней тишины покрылось рябью птичьих песен; цветы стояли веселые по краям дороги, и снопы золота лились из просветов туч, когда мы шли по дороге со своими заботами на сердце, не обращая ни на что внимания.

Мы не пели радостных песен, не играли; мы не заходили на базар в деревню; мы не говорили ни слова, не смеялись; мы не медлили в дороге, и по мере того, как уходило время, мы прибавляли шагу.

Солнце поднялось на середину неба, и голуби ворковали в тени. Увядшие листья плясали и кружились в жарком воздухе полудня. Пастушок дремал и грезил в тени баньяна; я лег у воды и на траве протянул усталые члены.

Мои товарищи с презрением смеялись надо мной; они высоко держали головы и спешили вперед; они не оглядывались и не отдыхали; они скрылись в далекой голубой дымке.

Они прошли много холмов и долин, прошли чужие, дале-

кие страны. Честь тебе, герой бесконечного пути! Насмешки и упреки побуждали меня подняться, но не нашли во мне отклика. Я радостно предпочел глубину унижения и погрузился в тень смутного блаженства.

Сердце мое охватила нега зеленого, солнцем расшитого мрака. Я забыл, зачем я шел, и без сопротивления отдал ум мой песням и образам.

Когда я проснулся и открыл глаза, я увидел тебя рядом со мной, озаряющего сон мой улыбкой. Как боялся я, что только длинным, трудным путем и тяжелой борьбой можно достичь тебя!

49.

Ты сошел с трона и стоял у дверей хижины моей.

Один в этом углу пел я песни, и мелодия коснулась уха твоего. Ты сошел и стал у дверей хижины моей.

Много певцов в чертоге твоём, и каждый час поют в нём гимны. Но простая песня новичка тронула любовь твою. Слабый звук простого напева слился с великой музыкой вселенной. С цветком в награду ты сошел и остановился у двери хижины моей.

50.

Нищий бродил я по деревне за подаянием от двери к двери, когда показалась вдали, как блестящее сновидение, твоя золотая колесница. Кто этот Царь царей? подумал я.

Высоко залетели мои надежды: я думал, что кончились тяжёлые дни, что без просьбы получу я подаяние, что богатство рассыплется по земле.

Колесница остановилась передо мной. Твой взор упал на меня, и ты сошел с улыбкой. Я почувствовал, что наконец пришло счастье моей жизни. Но ты вдруг протянул мне руку и сказал: „Что можешь ты дать мне?“

О, это была царская шутка – у нищего просить подаяния с протянутой рукой! Я был смущен и стоял в недоумении. Медленно вынул я из сумки моей самое маленькое зерно ржи и протянул тебе.

Каково же было мое удивление, когда вечером я опростал мой мешок на пол и нашел среди жалкой кучи зерно золота! С горьким плачем пожалел я, что не хватило духу отдать тебе все, что имел.

51.

Темнело; дневной труд был окончен. Мы думали, что последний гость пришел уже на ночь, и закрыли все двери в деревне. Иные говорили, что царь придет; но мы со смехом отвечали: этого не может быть!

Казалось, были стуки в дверь, но мы решили: ветер. Погасили свет и легли спать. Иные говорили: „А ведь это гонец?“ но мы смеялись: „А ведь это лишь ветер“.

Был звук среди глубокой ночи. Во сне мелькнула мысль об отдаленном громе. Затряслась земля, закачались стены; встревоженные, мы проснулись. Только иные сказали: это шум колес. Но мы сонно пробормотали: „Нет, это грохот туч“.

Ночь была еще темна, когда ударили барабаны; послышался голос: „Вставайте, не медлите!“ Мы прижали руки к сердцу и от страха затряслись. Иные закричали: „Это знамя царя!“

Тогда мы вскочили и воскликнули: „Не время медлить, царь пришел!– но где же огни, где венки? Где трон для него? О стыд! о страшный стыд! Где чертог, где украшения?“ Кто-то сказал: „Напрасны восклицания! приветствуй его с пустыми руками, и веди его в пустой дом твой! Открой двери! звони в раковины! Среди ночи пришел царь нашего темного унылого дома. Гром гремит в небесах. Тьма содрогается молниями. Вынеси твою рваную циновку и расстели ее на дворе“. *Вместе с бурей пришел внезапно царь страшной ночи.*

52.

Хотела я просить тебя, но не посмела – дать мне венок из роз, который был на шее у тебя. Я ждала утра, когда ты уйдешь, чтобы обыскать ложе – не найду ли хоть несколько лепестков с него. Как нищая, я старалась найти на заре один - два лепестка.

Ах! что я нашла! Какой знак любви твоей? Не цветок, не пряности, не сосуд с душистой водой.

Я нашла твой могущественный меч, сверкающий, как пламя, и тяжелый, как удар грома. Молодой утренний свет пробивается в окно и разливается по твоей постели. Утренняя птичка щебечет и спрашивает: „Жена, что получила ты?“ – Ни цветка, ни пряностей не получила я, ни сосуда с душистой водой. Я получила твой страшный меч.

Сижу и думаю, и удивляюсь на подарок твой. Мне негде его спрятать. Мне стыдно носить его – я слишком хрупка, и мне больно, когда прижимаю его к груди. Но я буду носить в сердце эту высокую честь, эту ношу страдания – дар твой.

Отныне мне нечего бояться в этом мире, и с тобой я всегда буду побеждать в борьбе. Ты оставил мне в спутники смерть, и я увенчаю ее моею жизнью. Твой меч со мной, чтобы рассекать мои оковы, и отныне мне нечего бояться в этом мире.

Отныне я оставляю все ничтожные украшения, не буду в ожидании сидеть в углу и плакать, царь сердца моего! Брошу скромность и застенчивость. Ты дал мне свой меч в украшение, и кукольные наряды мне уже не подходят.

53.

Прекрасно звездное кольцо твое, сверкающее мириадами разноцветных огней, подобно драгоценному камню. Но еще прекраснее для меня твой меч с его зигзагом молнии, похожей на распростертые крылья священной птицы Вишну, красиво выделяющейся на гневном фоне красного заката.

Он содрогается, как последнее мучительное трепетание жизни в соприкосновении со смертью. Он сияет, как чистое пламя вечности, одним сильным взмахом сжигающее помыслы земные.

Прекрасно кольцо твое, покрытое сверкающими, как звезды, камнями; но меч твой, о повелитель грома, блещет высшей красотой, страшной для взора и для мысли о ней.

54.

Ничего я у тебя не просила; мое имя не коснулось уха твоего. И когда ты пришел, я стояла безмолвно. Одна я была у колодца, где косо падали тени деревьев; все женщины ушли домой со своими коричневыми, полными до краев глиняными кувшинами. Они звали и меня, кричали: „Пойдем с нами, проходит утро, близок полдень“. Но я все медлила, погруженная в неясные мечты.

Я не слыхала шагов твоих, когда ты подошел. Грустны были твои глаза, когда взор твой упал на меня; усталым голосом ты тихо сказал: „Я жаждущий путник“. Я испуганно очнулась от грез моих и полила воду из кувшина в сложенные ладони твои. Листья шумели над головой, куковала кукушка в тени деревьев, и аромат цветов *babla* несся с краев дороги.

Я стояла безмолвная от стыда, когда ты спросил мое имя. Что сделала я для тебя, чтобы стоило тебе помнить меня? Но память о том, что мне дано было утолить жажду твою, вечно будет услаждать мое сердце. Утро прошло, и устало поет птичка; листья *неет* шумят над головой, а я сижу и думаю, все думаю.

55.

Истوما еще в сердце твоём и слипаются сном глаза твои.

Разве не дошел до тебя слух, что царственный, роскошный цветок распустился среди шипов? Проснись, о, проснись же, не теряй времени напрасно!

На конце каменистой тропы, в стране девственного уединения, мой друг сидит один. Не обмани его. Проснись, о, проснись!

Что из того, что жарко небо, что зноем пышет полдень? что из того, что жгучий покров песка истомит жаждой?

Разве нет радости в глубине сердца твоего? разве при каждом твоём шаге арфы на дороге не будут звучать сладкими жалобными звуками?

56.

Так: полна твоя радость во мне. Так: ты сошел ко мне. О, господин всех небес, на чем явилась бы любовь твоя, если бы не было меня?

Ты сделал меня участником всей этой роскоши. В сердце моем бесконечная игра наслаждения твоего. А в жизни моей воля твоя всегда воплощается в образы.

Вот для чего ты, Царь царей, облекся во всю красоту – чтобы пленить мое сердце. Вот для чего любовь твоя сливается с любовью любящего тебя – в полном единении двух являешься ты один.

57.

Свет, мой свет! свет, наполняющий мир, свет, ласкающий глаз, свет, услаждающий сердце!

Свет играет, моя радость, в сердце жизни моей; свет бьет, моя радость, по струнам любви моей; открывается небо, буйно кружится ветер, смех разливается по земле.

Бабочки распускают свои паруса в море света. Лилии и жасмины вырастают на гребнях волн света.

На каждом облаке золото света, и в изобилии свет рассыпает алмазы.

Веселье несется от листа к листу, и радость без меры. Вышла из берегов небесная река, и наводнение радости затопило вселенную.

58.

Пусть все напевы радости прозвучат в последней песне моей, – радости, что переполняет землю, покрывая ее буйной растительностью, радости, что заставляет плясать по всему широкому миру братьев-близнецов – жизнь и смерть, радости, которая влетает с бурей, потрясая бодрым смехом все живое, – радости, которая со слезами кроется в тишине раскрытого красного лотоса страдания, и радости, которая очертя голову бросает в пыль все, что имеет.

59.

Да, я знаю, возлюбленный сердца моего, – все это только любовь твоя: этот золотой свет, что скользит по листьям, эти ленивые облака, плывущие по небу, этот легкий ветерок, освежающий лоб мой.

Утренний свет ослепил глаза мои – это привет твой сердцу моему. С высоты склонилось лицо твое надо мною, взор твой проник мне в глаза, и сердце мое касается ног твоих

60.

На берегу бесконечных миров сходятся дети. Беспредельное небо раскинулось неподвижно над головой, и шумят беспокойные волны. С криками и плясками собираются дети на берегу бесконечных миров.

Они строят себе домики из песка и играют пустыми раковинами. Из увядших листьев слетают они лодки и со смехом пускают их в бездонную ширь. Дети играют на берегу миров.

Они не умеют плавать, не умеют закидывать сетей. Ловцы жемчуга ныряют за жемчужинами, купцы плывут на кораблях своих, а дети собирают камешки и вновь разбрасывают. Они не ищут скрытых сокровищ, они не умеют закидывать сетей.

Со смехом вздымаются волны, улыбается отмель бледной улыбкой. Смертоносные волны поют детям песенки, как поет мать, качая колыбель младенца. Море играет с детьми, и бледной улыбкой улыбается отмель.

На берегу бесконечных миров сходятся дети. Буря блуждает в беспредельном небе, корабли разбиваются в беспредельном море, смерть витает, а дети играют. На берегу бесконечных миров собралось много детей.

61.

Знает ли кто-нибудь, откуда прилетает сон, смежающий глаза ребенка? Да, ходит слух, что там родина его, где в волшебной деревне, в тени леса, слабо озаренного сиянием светлячков, растут два хрупких нераспустившихся цветка очарования. Оттуда он летит, чтобы коснуться поцелуем глаз ребенка.

Знает ли кто-нибудь, откуда та улыбка, что блуждает во время сна на устах ребенка? Да, ходит слух, что бледный молодой луч нарождающегося месяца коснулся края мимолетной

осенней тучи, и тогда впервые родилась та улыбка в нежном тумане омытого росой утра, – та улыбка, что во время сна блуждает на устах ребенка.

Знает ли кто-нибудь, где пряталась так долго нежная свежесть, что цветет на членах ребенка? Да, когда мать была де-вушкой, эта нежность наполняла ее сердце тихой тайной любви – эта нежная свежесть, что цветет на членах ребенка.

62.

Когда я приношу тебе раскрашенные игрушки, дитя мое, я понимаю тогда, зачем играют красками облака и волны, зачем дивные оттенки красок на цветах – я понимаю это, когда даю тебе раскрашенные игрушки, дитя мое.

Когда я пою, а ты танцуешь, я знаю тогда, для чего музыка в шелесте листьев, для чего волны шлют хор голосов своим сердцу внемлющей земли – когда я пою, а ты танцуешь.

Когда я кладу лакомства в твои нетерпеливые ручки, для меня ясно тогда, для чего мед в чашечке цветка, для чего плоды втайне наливаются сладким соком – когда я кладу лакомства в твои нетерпеливые ручки.

Когда я целую твое личико, чтобы оно озарилось улыбкой, милое дитя мое, о, как понимаю я тот восторг, что струится с неба в утреннем свете, и то наслаждение, что приносит телу летний ветерок – когда я целую тебя, чтобы вызвать твою улыбку.

63.

Ты сделал меня известным людям, которых я не знал. Ты дал мне место в чужих домах. Ты приблизил далеких и сделал братом чужого.

Не спокойно сердце мое, когда приходится покидать родной кров. Я забываю, что старое живет в новом и что ты – везде.

В рождении и в смерти, в этом мире или в других мирах, куда бы ты ни вел меня – все будешь ты, все тот же спутник моей бесконечной жизни, связавший меня цепями радости с неведомым.

Для того, кто знает тебя, нет ничего чужого, нет закрытых дверей. О, исполни молитву мою! Сделай так, чтобы в общении со многими я никогда не потерял радость слияния с тобой.

64.

На откосе пустынной реки, среди высокой травы я спросил ее: "Девушка, куда идешь ты со светильником твоим, закрывая его плащом? дом мой темен и скучен – одолжи мне свет твой!" Она подняла на минуту свои темные глаза и взглянула на меня сквозь сумерки. "Я пришла к реке, – сказала она, – чтобы пустить светильник мой на поток, когда погаснет на западе свет дневной". Одиноко стоял я среди высоких трав и смотрел, как робкое пламя ее светильника без пользы уносилось потоком.

В тишине надвигавшейся ночи я спросил ее: "Девушка, ваши огни все зажжены, куда же ты идешь со своим светильником? дом мой темен и скучен – одолжи мне свет твой". Она подняла на меня свои темные глаза и задумалась на минуту. "Я пришла, – сказала она, наконец, – чтобы посвятить небу светильник мой". Я стоял и смотрел, как без пользы горел ее свет в пространстве.

В безлунном мраке полуночи я спросил ее: "Девушка, для чего тебе светильник у сердца? дом мой темен и скучен, – одолжи мне свет твой". Она остановилась на минуту, задумалась и в темноте взглянула на меня. „Я принесла свет мой, – сказала она, – чтобы присоединить его к празднику света". Я стоял и смотрел, как ее маленький светильник без пользы теряется среди огней.

65.

Какой божественный напиток, Господь мой, желал бы ты испытать из переполненной чаши жизни моей?

В том ли радость твоя, о поэт мой, что моими глазами ты видишь творение свое и моими ушами, в молчании слушаешь вечную гармонию твою?

Твой мир создает слова в моем уме, а твоя радость выливается в музыку к ним. В любви ты отдаешь мне себя и тогда чув-

ствуешь во мне свое собственное блаженство.

66.

Та, которую всегда я храню в глубине души моей, которая таится как искра, мелькающая во мраке, которая никогда еще не поднимала покрывала в утреннем свете, – та, о Господь мой, будет последним моим даром тебе в последней моей песне.

Слова стремились к ней, но не могли овладеть ею, и просьбы напрасно простирали к ней свои жадные руки.

Я странствовал по свету, тая ее в глубине сердца моего. С ней пришла и прошла весна жизни моей, с ней пришла и проходит осень моя.

Она царила над мыслями и делами моими, над грезами и сновидениями, но жила одиноко в стороне от меня.

Многие стучали в дверь мою и спрашивали ее, и уходили в отчаянии.

Никто в мире не видал ее лицом к лицу, и остается она в уединении своем, пока ты не признаешь ее.

67.

Ты – небо, но ты и гнездо жизни.

О, прекрасный! там, в гнезде жизни, твоя любовь окружает душу красками, звуками и ароматами.

Там приходит утро: в правой руке своей несет оно золотую корзину, а в ней венец красоты, чтобы в молчании возложить его на землю.

Там приходит вечер: он идет по пустынным лугам, с которых ушли стада, идет по непроложенным путям и несет в золотом кувшине свежий напиток отдыха с западного океана покоя.

Но там, где расстилается бесконечное небо, где вольный простор для полета души, там царит чистое белое сияние. Там нет ни дня ни ночи, ни формы ни цвета, там нет, никогда нет – звука.

68.

Целый день у моей двери солнечный луч твой: он прилетел на мою землю с протянутыми руками, чтобы унести к ногам твоим облака слез, вздохов и песен моих.

Эту облачную одежду с ласковой радостью раскидываешь ты по звездной груди твоей, без конца меняя ее формы и складки, и окрашивая вечно новыми оттенками.

Она легка и воздушна, она полна слез и нежных теней – вот почему ты полюбил ее, ты ясный и чистый! Вот почему она может покрыть яркое сияние света твоего своею волнующеюся тенью.

69.

Струя жизни бежит день и ночь в моих жилах – та же самая струя жизни, которая в стройном ритме разливается по вселенной.

Эта струя – та самая жизнь, которая весело пробивается сквозь пыль земли в бесчисленных стеблях травы, которая рвется на простор в буйных волнах листвы и цветов.

Эта струя – та самая жизнь, которую качает океан – колыбель жизни и смерти – в его приливе и отливе.

Я чувствую, что тело мое возвеличено прикосновением этого мира жизни. И я горжусь тем, что пульс жизни веков бьется в крови моей в эту минуту.

70.

Чувствуешь ли ты всю радость этого ритма? Чувствуешь ли ты счастье быть изломанным, унесенным, потерянным в этом вихре страшной радости?

Все стремится вперед, ничто не останавливается, не оглядывается назад, никакая сила не остановит этого стремления и все несется вперед.

В такт беспокойной быстрой музыке скачут и пробегают времена года – краски, звуки, ароматы вливаются бесконечным водопадом в море радости, которая каждое мгновение то разлетается брызгами, то умирает.

71.

Предопределение* твое, чтобы я возгордился собой, чтобы разными гранями своего существа я бросал разноцветные тени на сияние твое.

Ты отделил преградой часть своего существа и назвал ее мириадами звуков, и эта часть воплотилась во мне.

Звонкая песнь многоцветных улыбок и слез, надежд и боязни разносится эхом по небу. Волны вздымаются и падают, грезы являются и исчезают. Во мне ты воплотил часть себя.

На преграде, которую ты воздвиг, нарисовано бесчисленное множество изображений кистью дня и ночи. За ней – твой трон, сотканный из дивных таинственных изгибов: в нем нет безжизненных прямых линий.

Величие красоты – твое и мое – широко раскинулось по небу. Твоими и моими звуками полон воздух, и века проходят в искании и сокрытии – тебя и меня.

72.

Это он таится внутри всего и будит существо мое глубокими скрытыми прикосновениями.

Это он очаровывает глаза мои и радостно играет на струнах моего сердца веселые и грустные напевы.

Это он сплетает ткань предопределения в неуловимых переливах золота и серебра, лазури и зелени; между складок виднеются его ноги, от прикосновения которых исчезает мое я.

Приходят дни и проходят века, и всегда он, в разных видах и образах, под разными именами волнует мое сердце то восторгом, то радостью.

73.

Я не вижу освобождения в отречении. Я чувствую объятия свободы в бесконечных изгибах наслаждения.

Ты всегда наполняешь для меня прохладный кубок твоего вина всех цветов и ароматов, наполняя до краев земной сосуд.

Мой мир зажигает сотни своих огней твоим пламенем и ставит их перед алтарем твоего храма.

Нет, никогда не закрою я двери чувств моих. Наслаждения зрения, слуха и осязания принесут мне твое наслаждение.

Да, все ощущения мои сгорят в огне радости, и все желания мои созреют в плоды любви.

74.

Склонился день, и сумерки спустились на землю. Пора мне идти к потоку и наполнить кувшин мой.

Вечерний воздух звучит печальным плеском воды. Ах, этот звук зовет меня в темноту. На одинокой тропинке нет никого, поднялся ветер, и зыбь играет на реке.

Не знаю, возвращусь ли я домой. Не знаю, кого могу я случайно встретить. Там, у брода, в маленькой лодочке сидит кто-то и играет на лютне.

75.

Все, что нужно нам смертным, приносят дары твои и возвращаются к тебе не уменьшенными.

Река выполняет ежедневный труд свой и спешит через поля и деревни; но непрерывным течением своим она только оmyвает ноги твои.

Цветок наполняет воздух своим ароматом; но конечное назначение его – быть поднесенным тебе.

От служения тебе не беднеет мир.

Люди видят в словах поэта то значение, которое им нравится; но их последнее значение это – ты.

76.

Буду ли я стоять день за днем, властелин жизни моей, лицом к лицу перед тобою? Со сложенными руками буду ли я стоять, властелин всех миров, лицом к лицу перед тобою?

В безмолвном одиночестве и со смиренным сердцем буду ли я стоя под твоим широким небом лицом к лицу перед тобою?

В твоём трудолюбивом мире, где кипит борьба и работа,

* В оригинале Мауа. Ред.

среди суетливой толпы буду ли я стоять лицом к лицу перед тобою?

Когда совершен будет труд мой на этом свете, о Царь царей, буду ли я в безмолвном одиночестве стоять лицом к лицу перед тобою?

77.

Я признаю тебя за Бога моего, но чуждаюсь тебя – я не признаю тебя своим и не подхожу ближе. Я признаю тебя отцом моим и в ноги кланяюсь тебе, но я не протягиваю тебе руки, как другу.

Я не стою в ожидании там, куда ты приходишь, называя себя моим близким, я не прижимаю тебя к сердцу, не встречаю, как товарища.

Ты Брат среди братьев моих, но я не обращаю на них внимания, и, не уделяя им доли от доходов моих, я не делюсь и с тобою тем, что имею.

В радости и горе я стою в стороне от людей и потому в стороне от тебя. Я боюсь отдать тебе мою жизнь и потому не погружаюсь в великие волны жизни.

78.

Когда была только что создана вселенная, и звезды сияли в первом блеске своем, боги собрались на небе и пели: "Все вокруг совершенство! все – полная радость!"

Но вдруг один из них воскликнул: "Кажется, порвалась где-то цепь света, потеряна одна звезда".

Со звоном лопнула струна их арфы, пение прекратилось, и боги закричали в смятении: "Да, пропала лучшая из звезд: она была гордостью неба!"

С тех пор ее все ищут и повторяют из уст в уста, что мир потерял в ней свою единственную радость!

Но в глубокой тишине ночной звезды смеются и шепчут друг другу: "Напрасны поиски! во всем непрерывное совершенство!"

79.

Если мне не суждено встретить тебя в этой жизни, то дай мне всегда чувствовать, что я не видел тебя, дай мне ни на минуту не забывать этого и всегда, во сне и наяву, носить с собою великое горе мое.

И пока дни мои проходят на людном базаре этого мира, и руки мои наполняются тем, что получаю я за день, дай мне всегда чувствовать, что я ничего не нажил, дай мне ни на минуту не забывать этого и всегда, во сне и наяву, носить с собою великое горе мое.

Когда я сижу на краю дороги усталый, измученный, когда я расстилаю в пыли постель мою, дай мне всегда чувствовать, что впереди еще длинный путь, дай ни на минуту не забывать этого и всегда, во сне и наяву, носить с собою великое горе мое.

Когда разукрашен дом мой, звучат флейты и слышится громкий смех, дай мне чувствовать, что я не пригласил тебя в дом мой, дай ни на минуту не забывать этого и всегда, во сне и наяву, носить с собою великое горе мое.

80.

Я похож на обрывок осеннего облака, без пользы несущегося по небу, о мое вечно славное солнце! Твое прикосновение еще не превратило меня в пар, я не слился со светом твоим и вдали от тебя считаю месяцы и годы.

Если такова воля твоя, такова забава твоя, то возьми этот легкий туман, раскрась его красками, позолоти золотом, развей его резвым ветром, рассыпь чудесами.

И захочешь ли ты прекратить игру свою ночью, – я растаю и исчезну во тьме; или в улыбке белого утра, – я испарюсь в чистой, прозрачной прохладе.

81.

Бывали праздные дни, когда я жалел о потерянном времени. Но оно никогда не потеряно, господин мой. Каждую минуту жизни моей ты взял в свои руки.

Скрытый в сердце вещей, ты семена превращаешь в ростки, бутоны – в цветы и цветы – в плоды.

Усталый заснул я на мягкой постели и воображал, что ос-

тановилась всякая работа. Но, проснувшись утром, увидел, что мой сад полон чудных цветов.

82.

Время бесконечно в руках твоих, господин мой, и никого нет, кто счел бы минуты твои.

Дни и ночи проходят, и века расцветают и вянут, как цветы. Ты умеешь ждать.

Одно за другим проходят столетия, совершенствуя маленький дикий цветок.

У нас нет свободного времени; не имея времени, мы должны использовать всякую возможность. Мы слишком бедны, чтобы опаздывать.

Однако время идет, а я отдаю его каждому надоедливому человеку, который этого пожелает, и твой алтарь остается без приношений до конца дня.

Вечером я спешу и боюсь, что твои ворота закрыты; но вижу, что есть еще время.

83.

Мать, на шею тебе я сплелу жемчужную цепь из скорбных слез моих.

Звезды сплели кольца света, чтобы надеть на ноги твои, но моя цепь будет висеть на груди твоей.

Ты даешь славу и богатство, и ты можешь дать или не дать их. Но горе мое вполне мое, и когда я несу его, как подарок тебе, ты своей лаской награждаешь меня.

84.

Страдание разлуки, разлитое по свету, порождает в бесконечном небе бесчисленные образы.

Это горе разлуки безмолвно глядит всю ночь от звезды к звезде и превращается в звуки в шелесте листьев июльской дождливой ночью.

Эта все поглощающая боль сгущается в домах людей в любовь и желания, в страдания и радости; это она всегда тает и выливается песнями из моего сердца поэта.

85.

Когда воины вышли впервые из чертога господина своего, где скрывали они силу свою? где были их доспехи, их оружие?

Они казались жалкими и беспомощными, и стрелы сыпались на них в тот день, когда они вышли из чертога господина своего.

Когда воины возвращались обратно в чертог господина своего, где скрывали они силу свою?

Меч выпал из рук их, упали лук и стрелы; мир озарял их чело, и позади себя оставили они плоды жизни своей, в тот день, когда возвращались в чертог господина своего.

86.

Смерть, рабыня твоя, стоит у моей двери. Она перелетела неведомое море и принесла зов твой к моему дому.

Ночь темна, и трепещет мое сердце. Но возьму лампу, открою ворота и с приветом поклонюсь ей: это твой гонец стоит у двери.

Со слезами, сложив руки на груди, я приветливо поклонюсь ей. Я поклонюсь ей, положив к ногам ее лучшее сокровище сердца моего.

И уйдет она, исполнив твое поручение. Темная тень ляжет на утро мое, и в опустелом доме последним моим приношением тебе останусь лишь я, одинокий и покинутый.

87.

В отчаянной надежде брожу я по дому, ищу ее во всех уголках моей комнаты, но не нахожу нигде.

Дом мой невелик, и что раз ушло из него, никогда уже не вернется опять.

Но бесконечно велика обитель твоя, господин мой, и в поисках за нею я дошел до двери твоей.

Я стою под золотым навесом твоего вечернего неба и к лицу твоему поднимаю ищущие глаза мои.

Я дошел до края вечности, откуда ничто не исчезает – ни надежда, ни счастье, ни облик лица, на которое я смотрел сквозь слезы.

О, погрузи опустевшую жизнь мою в этот океан, опусти на самое дно его простора. Дай мне хоть раз почувствовать в полноте вселенной то сладкое прикосновение, которое мною потеряно.

88.

Божество разрушенного храма! Порванные струны арфы* не поют больше хвалы тебе. Звон вечерних колоколов не указывает час служения тебе. Воздух тих и безмолвен вокруг тебя.

Весенний ветерок залетает в твоё опустелое жилище. Он приносит аромат цветов-цветов, которых не подносят тебе больше.

Бродит твой старый поклонник и жаждет милости, которой никогда не получает. В сумерках, когда огни и тени смешиваются с туманом пыли, он с голодом в сердце возвращается, усталый, к разрушенному храму.

Много праздничных дней проходит для тебя в молчании, божество разрушенного храма. Много праздничных ночей проходит для тебя без зажженных светильников.

Много новых изображений сделано руками искусных художников. Они уносятся священным потоком забвения, когда наступает их время.

И только божество разрушенного храма, которому уже не поклоняются, остается вечным в своем пренебрежении.

89.

Кончены громкие, звучные речи – такова воля господина моего. Отныне я буду говорить шепотом. Тихими напевами песни будет говорить свои речи мое сердце.

Люди спешат на рынок Царя. Все продавцы и покупатели там. Лишь я один имею отпуск в неурочное время, среди дня, в разгар работы.

Пусть же распустятся цветы в моем саду, хотя им и не время. Пусть же в полдень загудят ленивые пчелы.

Много часов провел я, участвуя в борьбе добра и зла; но теперь товарищ свободных дней моих хочет призвать к себе мое сердце, и я не знаю, зачем этот внезапный призыв к какой-то бесполезной непоследовательности?

90.

В тот день, когда смерть постучится в дверь твою, что предложишь ты ей?

О, я поставлю перед моей гостьей полную чашу моей жизни – я не отпущу ее с пустыми руками.

Все сладкие плоды моего виноградника, всю жатву осенних дней и летних ночей, все, что я приобрел за трудовую жизнь мою, – все поставлю все поставлю перед ней в конце жизни, когда смерть постучится в дверь мою.

91.

О ты, последнее завершение моей жизни, смерть, моя смерть, приди и шепни мне!

День за днем поджидал я тебя; тебе нес я все радости и горести жизни.

Я сам и все, что я имею, на что надеюсь, вся моя любовь, – все в глубокой тайне стремится к тебе. Последний взгляд твоих очей – и моя жизнь навсегда станет твоею.

Цветы сплетены, и венок готов для жениха. После свадьбы невеста оставит свой дом и встретит своего господина одна, в уединении ночи.

92.

Я знаю, что придет день, когда глаза мои не увидят больше земли, когда безмолвно уйдет жизнь, последней завесой прикрыв глаза мои.

Но по-прежнему звезды сиять будут ночью, и будет утро вставать, как прежде, и, как волны морские, будут вздыматься часы, чередуя и радость и горе.

Когда я думаю об этом конце моих дней, тогда падает преграда времени и при свете смерти я вижу твой мир с его неоцененными сокровищами. Самое последнее место, самая жалкая

---

*Инструмент „vina". Ред.

жизнь в нем прекрасна!

Пусть мимо пройдет и то, к чему я напрасно стремился, и то, чего я достиг. Пусть владею я лишь тем, к чему относился с презрительным невниманием.

93.

Я получил мой отпуск. Пожелайте мне всего доброго, братья! Кланяюсь вам всем и ухожу.

Я возвращаю ключи от моей двери и не оставляю за собой моего дома. Прошу у вас последних добрых слов.

Мы долго были соседями, но я получал от вас больше, чем давал. Теперь наступает день, и погасла лампа, которая освещала мой темный угол. Меня зовут, и я готов пуститься в путь.

94.

В минуту разлуки пожелайте мне счастья, друзья! Небо алеет зарей, и мне предстоит прекрасный путь.

Не спрашивайте, что взял я с собою. Я пускаюсь в путь с пустыми руками и с жаждущим сердцем.

Я надена мой свадебный венок. Мое платье не будет темно-красной одеждой путника, и хотя встретятся опасности на пути, но в душе моей нет боязни.

Уже взойдет вечерняя звезда, когда будет кончен мой путь и печальные звуки вечерних напевов прозвучат из дверей Царя.

95.

Незаметно для себя переступил я порог этой жизни.

Какая сила заставила меня раскрыться в этом таинственном просторе, как лесной цветок среди ночи!

Когда утром взглянул я на свет, то в ту же минуту почувствовал, что я не чужой в этом мире, что непостижимая сила без имени и формы взяла меня в свои руки в образе матери

Так же и в смерти – неизвестное покажется давно знакомым. И так как я люблю жизнь, то я полюблю точно так же и смерть.

Дитя плачет, когда мать отнимает его от правой груди, но тотчас утешается, припав к левой.

96.

Когда я буду уходить отсюда, то пусть будет моим прощальным словом: то, что я видел, не может быть превзойдено.

Я отведал скрытого меда лотоса, что растет на океане света, и в этом блаженство мое – пусть это будет моим прощальным словом.

Я играл в этом театре бесконечных образов, и тут я увидел того, кто не воплощается в образе.

Все тело мое, все члены мои трепетали от прикосновения того, кто выше прикосновения; и я готов принять мой конец, если так суждено – пусть это будет моим прощальным словом.

97.

Когда мы с тобою играли, я никогда не спрашивал, кто ты. Я не знал ни робости, ни страха, и моя жизнь кипела.

Рано утром ты будил меня, как товарищ, и вел, резвясь, с поляны на поляну.

Тогда я не вдумывался в смысл песен, которые ты мне пел. Только голосом подхватывал я напевы, и сердце билось им в такт.

Теперь, когда кончена игра, что же вдруг вижу я? Весь мир с его безмолвными звездами трепещет пред тобою, опуская очи к ногам твоим.

98.

Я украшу тебя трофеями–венками моих поражений. Я никогда не могу избежать поражения.

Я знаю наверно, что гордость моя погибнет, что жизнь моя разорвет свои оковы в страшном страдании, что пустое сердце мое будет рыдать и петь, как пустой тростник, что от слезрастают камни.

Я знаю наверно, что сотни лепестков лотоса не останутся закрытыми навсегда, и сокровенная чашечка меда откроется.

Глаз взглянет на меня с голубого неба и безмолвно позовет к себе. Ничего не останется мне тогда, ровно ничего, и у ног твоих приму я великую смерть.

99.

Когда я оставлю руль, я буду знать, что настало время, чтобы ты его взял. Что должно быть сделано, то будет сделано немедленно, и всякая борьба напрасна.

Отними же руки, мое сердце, и молча прими поражение свое; за счастье сочти оставаться в полном покое там, где тебя поместили.

Светильники мои гаснут при малейшем дуновении ветра, и, пытаясь вновь зажечь их, я всякий раз забываю все остальное.

Но теперь я стану умнее, и буду ждать в темноте, расстелив на полу свою циновку; и когда тебе будет угодно, господин мой, молча приди и сядь здесь.

100.

Я опускаюсь в глубину океана образов, в надежде найти совершеннейшую жемчужину, не имеющую образа.

Теперь не придется мне больше плавать от пристани к пристани на моем разбитом непогодами челноке. Давно прошли те дни, когда я любил качаться на гребнях волн.

Теперь я желаю умереть в бессмертии.

Я возьму эту арфу моей жизни в приемную залу на краю бездонной пропасти, где раздастся музыка беззвучных струн.

Я настрою ее на звуки вечности и, когда она прорывает свой последний аккорд, я положу мою замолкнувшую арфу к ногам безмолвного.

101.

Я всю жизнь искал тебя песнями моими. Они водили меня от двери к двери, и песнями прикасался я к миру в поисках моих.

Мои песни научили меня всему, что я знаю; они указали мне скрытые пути, они зажгли перед глазами много звезд на горизонте моего сердца.

Они вели меня целый день в таинственную страну радости и горя. К каким же дверям чертога привели они меня, наконец, вечером, когда путь мой окончен?

102.

Я хвастался перед людьми, что знаю тебя. Они видят изображение твое во всех моих трудах. Они приходят и спрашивают меня: "Кто он?" Я не знаю, что отвечать им. Я говорю: "Право, не знаю". Они порицают меня и уходят с презрением. А ты стоишь здесь же и улыбаешься.

Мои рассказы о тебе я перелагаю в песни, которые останутся надолго. Тайна вырывается из моего сердца. Они приходят и спрашивают: „Объясни нам, что хочешь ты ими сказать?" Я не знаю, что отвечать. Я говорю: „Ах, кто знает, что значат мои песни!" Они смеются и уходят в полном презрении. А ты стоишь здесь же и улыбаешься.

103.

В одном поклонении тебе, мой Господь, дай излиться всем чувствам моим и войти в прикосновение со вселенной, распростертой у ног твоих.

Пусть разум мой склонится у двери твоей в одном поклонении тебе, подобно июльской дождевой туче, которая низко нависает под тяжестью невылившегося дождя.

Пусть все мои песни сольют свои напевы в один поток и потекут к морю безмолвия в одном поклонении тебе.

Как стая журавлей, тоскующих по родине и летящих день и ночь к горным гнездам своим, пусть вся жизнь моя летит к ее вечной родине, в одном поклонении тебе.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Покровка, д. 11, кв. 10. Тел. 1-56-28.

Комментарии.

1. Дом на Покровке, 11 в Москве сохранился. Из архива семьи А. Ф. Слудского³:

³ Заявление датируем по дневниковой записи А. Ф. Слудского от 8 сентября 1922 г., когда он впервые после пятилетнего перерыва приехал в Москву и жил в квартире А.П. Павлова

В отдел Социального Обеспечения от Александра Федоровича Слудского

Заявление

Будучи командирован в апреле 1917 г. Обществом имени Х. С. Леденцова и Московским Университетом для организации Карадагской Научной Станции в Крыму и вернувшись в настоящее время в Москву для продолжения своих научных работ, я узнал, что моя библиотека - рукописи, лабораторные принадлежности и коллекция фотографических снимков к читавшемуся мною в Московском Университете специальному курсу – взяты на учет как бесхозяйственное имущество.

Ввиду невозможности продолжать научную работу без вышеозначенного имущества, я прошу о снятии его с учета и передаче мне.

Имущество находится по Покровке в д. № 11, кв. 10.

Профессор Александр Федорович Слудский.

адрес: Никитская, 1-й Гос. Университет, старое здание, кв. Академика Павлова

2. Рабиндранат Тагор (Тхакур, Робииндронатх). (1861-1941)

Из письма к племяннице Индире⁴: «Не могу понять, почему эти стихи так понравились людям. Все знают, что я плохой знаток английского... Я даже не умею ответить на приглашение к чаю... В тот день, когда я должен был сесть на корабль, я вдруг упал в обморок. Поездку отложил. Я поехал в Шилейду, чтобы немного отдохнуть... Там я взял «Гитанджали» и стал переводить одно стихотворение за другим. Ты, вероятно, удивишься, что такая мысль могла прийти мне в голову, но, поверь, мною владела не безрассудная смелость. Просто я почувствовал властное стремление выразить на другом языке мысли и чувства, которые некогда доставили мне столь большую радость. Страницу за страницей я заполнял свою тетрадку, и, когда сел на корабль, она лежала у меня в кармане».

3. В семейном архиве сохранились книги профессора Московского Императорского Университета Федора Алексеевича Слудского (1841-1897) - отца Александра Федоровича. Среди книг ("Курс теоретической механики" 1881, "Об исследовании магнитных аномалий" 1894, "Определение размеров земли, из градусных измерений по новому способу" 1892, "Механика будущего" 1878) лежала старая тоненькая книжка Рабиндраната Тагора "Читра" - драматическая поэма в переводе М. Подгоричани, издание Валентина Португалова, Москва 1915 г.

В книжке есть справочная страница Книгоиздательство В.П.Португалова:

Р. Тагор "Гитанджали. (Жертвопесни)»

Перевод с английского под редакцией Ю. Балтрушайтиса. Предисловие В.Б. Йейтса. М.: Современные проблемы, 1914. 40 коп.⁵

Распродано, готовится второе издание с предисловием К. Д. Бальмонта.⁶

Р. Тагор. "Садовник". Лирика любви и жизни. Перевод В. Г. Тардова. 50 коп.

Р. Тагор. "Лунный серп". Поэмы о детстве.

Перевод М. Ликиардопуло. С фронтисписом в красках и 7 иллюстраций. 50 коп.

Р. Тагор. "Читра", драматическая поэма. Перевод М. Подгоричани.

"Субхашини", перевод Гретман А. Ф.

Р. Тагор. "Постижение жизни". 8 лекций. Перевод Виктора Ногосского. I р.

Р. Тагор. "Почтовая контора". Пьеса /печатается/

Р. Тагор. "Маленькая язва". Роман /печатается/

Р. Тагор. "Из жизни Бенгалии". Рассказы

Другие авторы:

"Благовестие рамакришны". Предисловие Свами Абхедананда.

"Розы Ирана". Изб. стих. персидских поэтов.

"Шемседдин Гафиз. "Газели и четверостишия". В переводе В. Г. Тардова.

Джемаль Эддин Руми. Из "Собрания Шемса Тавризского" В переводе Тардова.

Мослихэддин Саадий. "Гюлистан"

"Цветы созерцания". Избранные места из творений аскетов /Иоанн Лествичник,

Ефрем Сирий, Никодим Святогорец и др./.

Собрал Александр Булдеев.

"Розы Ирана" /Гафиз, Джелал Эддин, Аттар, Омар Хайям, Сенаи, Аль Газали,

Баба Фегани, Джамий и др./

4 Из книги "Существованья ткань сквозная"⁷

Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак.

Дополненная письмами к Е. Б. Пастернаку и его воспоминаниями.

Москва "Новое литературное обозрение" 1998:

⁴ Текст письма взят из комментария В. Новиковой в XII томе Собрания сочинений Р. Тагора в 12 томах. Изд. «Худ. лит.» Москва 1965

⁵ Хранится в Научной библиотеке Таврического национального университета им. В.И. Вернадского.

⁶ К. Бальмонт «Поэзия как волшебство», Москва, 1922, с. 25: «...Мир нуждается в образовании ликов, – в Мире есть чародеи, которые магической своею волей и напевным словом расширяют и обогащают круг существования...».

(Книга находится в Научной библиотеке ТНУ им. В.И. Вернадского).

⁷ Название книги "Существованья ткань сквозная" - заключительная строка стихотворения Б.Пастернака 1931 г. "Пока мы по Кавказу лазаем...»

Введение. (стр. 11). Из записи Евгении Лурье, лето 1917: "...Я бегу через холмы и доли, странствую по безмянным землям оттого, что я гонюсь за золотым олененком, еду в Москву... как хочется тряхнуть головой, помчаться без заботы вперед, как в сказке Рабиндраната Тагора, но, верно, тот, кто гонится за тем олененком, не человек..."

Глава I. "Попытка семьи" (1921-1924) Лето 1922 г. (стр. 24, из комментария Е. Б. Пастернака): "В Германию собирались основательно, думая остаться там, на несколько лет. Мама мечтала продолжить свое художественное образование, причем Боря надеялся в этом на помощь и участие своего отца, профессионального преподавателя. Маме хотелось уехать в Париж, для чего она получила рекомендательное письмо от своего учителя по Вхутемасу П. П. Кончаловского. Паковали книги, папины рукописи и мамини картины, рисунки, художественные материалы.

Сохранилась книга Рабиндраната Тагора "Гитанджали" в русском переводе, купленная и надписанная отцом в эти дни. Надпись возвращает к их совместному зимнему пребыванию в Петербурге, первой близости и взаимопониманию. Вероятно, тогда в их долгих разговорах друг с другом заходила речь о маминых юношеских впечатлениях от сказок Рабиндраната Тагора.

"Милому моему Голубчику
в память прогулок по Петербургу зимой 1922г.
Перед отъездом за границу. Укладка. Июль 1922 .
Волхонка, Пилка дров".

5. Тагор Р. Собрание сочинений: В 12 т.– М. : Худ. лит., 1965. –

Том 12. Воспоминания. Письма. Стихи. Перевод с бенгальского и английского.

Из книги "Гитанджали". Перевод с английского Н. Пушешникова под редакцией И. Бунина⁸.

Из комментария В. Новиковой, с. 428-429:

«Стихи. В этот раздел включены переводы английских вариантов стихов Тагора. Поэт давно мечтал перевести свои стихи на английский язык. Однако, когда он приступил к переводу, процесс творческого воссоздания настолько увлек его, что он, по сути дела, создал самостоятельные произведения. Английские варианты стихов Тагора получили широчайшую славу. Именно за них ему была присуждена Нобелевская премия (в 1913г.). С этих вариантов делались и первые русские переводы, которые принесли Тагору большую популярность в нашей стране. Стихи вышли в свет в 1912 году. <...> Английские варианты "Гитанджали" многократно переводились на русский язык:

"Гитанджали. Жертвопесни" - Собрание сочинений, кн. I. Португалов. М. 1914
"Жертвопесни" - Собрание сочинений, кн. I. Современные проблемы. М. 1914
"Гитанджали. Жертвенные песнопения". Книгоиздательство писателей. М, 1914
"Приношения в песнях". Кушнеров. М. 1914⁹
"Жертвопесни". Курск, тип. Либермана 1915
"Садовник - Гитанджали". М. 1919
"Гитанджали. Избранные песнопения". Южная универсальная библиотека. Одесса, 1919
"Цветы моего сада" М. 1925
"Гитанджали" Сочинения. Т. 7. Гослитиздат М. 1957»

6. Июль 2004 г. Завершаем подготовку публикации «Приношения в песнях» и получаем из Петербурга в подарок книгу: «Мы с тобой. Дневник любви». М. М. Пришвин. В. Д. Пришвина. // Росток. – Санкт-Петербург. 2003, - с.214-215 (начало 1940-х гг.): "Мир в неслыханном горе<...> На ночь она читала мне "Гитанджали" Тагора, и в меня от руки моей, лежащей у нее на бедре, в душу поступало чувство ее тела, а через слово оно преображалось, и становилось мне, будто видел во сне что-то совершенно прекрасное, а потом пробудился и узнал, что не сон."

Примечание (с. 254): «Одна из любимых книг Валерии Дмитриевны - книга стихов индийского писателя и общественного деятеля Р. Тагора «Гитанджали». Жертвенные песнопения (Пер. Н. А. Пушешникова. Под. ред. И. А. Бунина. Изд. 4-е. Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1918)»¹⁰.

7. В сборнике "Садовник" Р. Тагора есть прозаический текст, обращенный и к нашему читателю:

"Кто ты, читатель, что будешь читать мои песни через сто лет?
Я не могу послать тебе ни единого цветочка из этого богатства весны,
Ни единой частицы золота вон тех облаков.
Открой свою дверь и взгляни вокруг.
Лови в своем цветущем саду благословенную душу цветов,
Ушедших сто лет тому назад.
В радости своего сердца да ощутишь ты ту живую радость,
Что пела когда-то в весеннее утро,
Посылая свой радостный голос через сто лет!"

(Из книги "Садовник" 1914 в переводе с английского Н. Пушешникова под редакцией И. Бунина. Том 12. с.374.

Кара-Дар. 6.02.03

⁸ Н. А. Пушешников – племянник И. А. Бунина. Переводчик с английского Р. Тагора, Д. Голсуорси, Р. Киплинга, Д. Лондона.

⁹ Под ред. А. Ф. Слудского

¹⁰ В Научной библиотеке ТНУ им. В.И. Вернадского хранится 3-е издание этой книги 1916 года с предисловием W.B. Yeats.